

ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ

Воспоминания сценариста Анатолия Гребнева

Муависымад сар. — 2001. — Чап. — с. 7
Елена Стишова

КНИГА Анатолия Гребнева «Записки последнего сценариста» слишком обращена в настоящее, чтобы называться мемуарами. При том, что это и впрямь мемуары — воспоминания о времени, о людях, ну и о себе самом, разумеется, хотя нельзя не отметить, что автор в отличие от большинства мемуаристов не страдает эгоцентризмом и вовсе не склонен делать всеобщим достоянием подробности личной жизни. Да и вообще эта книга — прежде всего размышления о судьбах одного литературного жанра, втянувшие в свою орбиту десятки сюжетов, историй и персонажей.

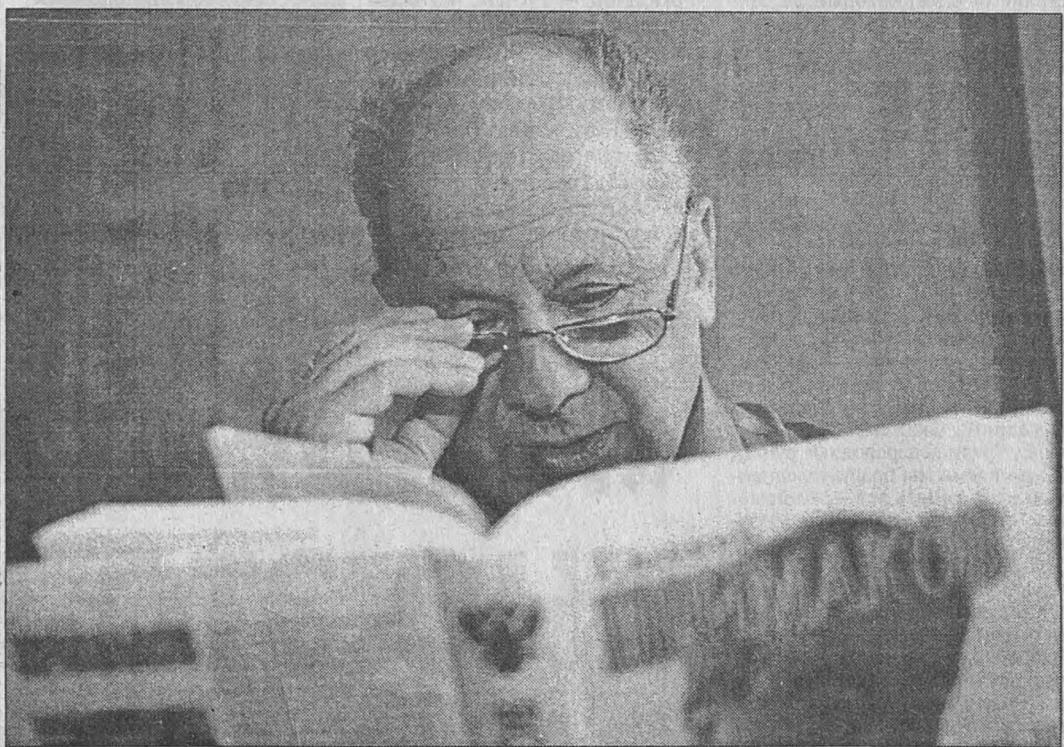
Речь идет о сценарии. Точнее — о сценарной литературе, ее адептах и служителях. Сквозь увлекательную прозу просвечивают размышления о новой духовной ситуации, стремительно возникшей, едва Россия стала перестраиваться в сторону общемирового процесса. Только что литература была «нашим всем»

Константина Худякова, где свою лучшую кинороль сыграл Леонид Филатов, етс. — остаются его авторскими картинами не в меньшей степени, чем творениями снявших их режиссеров. Тут нужно говорить о соавторстве — при том, что Гребнев, и он об этом пишет, безоговорочно признавал режиссерское лидерство. Недаром же, однако, и неспроста в 60-е расцвело «писательское кино». Слово «драмодел» было презрительно-ругательным, жанровое кино считалось делом несерьезным, все жаждали «идей» и алкали истины. Шестидесятник «в законе», Гребнев ностальгирует по тому золотому времечку, идеализирует его, пусть и невольно.

«Сценаристика в ранге и достоинстве литературы» — вот она, формула кинодраматургии того времени, когда власть духовная все еще принадлежала Художнику с большой буквы. *«Готов утверждать вслед за Габриловичем, — читаем у Гребнева, — что авторское начало писателя в кино — это вопрос не только чьих-то амбиций, но и богатства самого кинематографа, то есть реальный его интерес. Ведь ки-*

он, человек южный (родился и вырос в Тбилиси), любит солнечную сторону жизни. Читать его легко, интересно и весело.

В книге десятки портретов — актерских, режиссерских, писательских. Гребнев, человек контактный, общительный, дружил и дружит со знаменитостями, и далеко не все свои дружбы он передал бумаге. Много чего еще осталось. Для другой книги. А может, и для сценария. «Последний сценарист», как именует себя автор, продолжает свое безнадежное дело. Пишет и пишет сценарии, и вовсе не в стол. Сценарий «Дом для богатых» в списке номинаций на «Нику». А глава «Эпилоги», завершающая мемуары, прочитывается как серия сценарных заявок. «Эпилоги», стенограмма последнего десятилетия, когда Гребнев погрузился в круглосуточную общественную деятельность, состоял в знаменитом климовском секретариате Союза кинематографистов, избранном на 5-м съезде СК, — самые для меня интересные страницы книги. Это еще не остывшая, еще пребывающая в состоянии плазмы история современности, за-

Анатолий Гребнев — писатель и читатель.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

— и вдруг — все, как отрезало. Прости-прощай, диктатура слова и прочий литературоцентризм. Грубо сколоченный «американский сценарий» со счастливым финалом сегодня предпочтительнее сценария русского, воздушного, с ремарками и нюансами, — такова «се ля ви».

Но как быть нам — тем, которые все-таки живут и предполагают и дальше жить по русскому сценарию? Вот главный мотив полифоничных мемуаров Гребнева. Его интонация, памятная по сценариям, где — при безграничном доверии к читателю — всегда ощущалось легкое отстранение от рассказываемой истории, ничуть не изменилась. Интонация микширует внутреннюю драму автора, но не отменяет ее.

Умение создать люфт для режиссерской импровизации и одновременно не дать режиссеру выйти за пределы сценарной идеи — это профессиональный класс. Анатолий Гребнев — «классик». Картины по его сценариям, будь то шедевр Марлена Хуциева «Июльский дождь», или «Утренний обход» Аиды Манасаровой, или «Время желаний» Юлия Райзмана, или опальный «Дневник директора школы» Бориса Фрумина, или «Успех»

нодраматург, что ни говори, — автор содержания. И, кстати, почему он именно драматург? А если не кинодраматургия, к примеру, а кинопроза?»

Все они, последователи Габриловича и школы «русского сценария», писали именно что кинопрозу — их сценарии были нарасхват у читателей, были и такие, что лежали в столе и ходили в самиздате — сценарии ныне покойного Жени Григорьева, к примеру. Но как объяснить тогда — об этом у Гребнева ни слова — парадоксальную ситуацию второй половины 80-х и начала 90-х, когда одна за другой печаталась извлеченная из долгих ящиков проза (Рыбаков, Гроссман, Домбровский, Владимир, Дудинцев, Злобин) и ни одна из зачитанных до дыр сенсационных вещей не была экранизирована?! Перестроечное кино прошло мимо того, что просилось на экран, и в этом был какой-то подсознательный протест против писательского, то бишь идеологического кинематографа, знак отказа от сложившейся в кино традиции: все лучшее в отечественной прозе должно стать достоянием экрана. Анатолий Борисович Гребнев равнодушен к теории, он эмпирик и оптимист по природе,

писанная эмоциональным пером участника и свидетеля.

И что удивительно — при том, что Гребнев никогда не рвался к функционерским постам, не писал на заданную тему, не открывал ногой дверь к председателю Госкино, как некоторые, его профессиональная жизнь неизменно оказывалась в мейнстриме. Просто у него всегда была высокая репутация — профессиональная и человеческая. Потому-то он единственный из старшего поколения был избран в тот исторический секретариат «прорабов перестройки». Вот где было чистое служение с ежедневными многочасовыми бдениями в прокуренном до белого тумана конференц-зале на Васильевской, чтобы каждый, кому вздумается, мог войти и принять участие. Такая была демократия — без берегов.

Гребнев не упустил случая сказать и свое эгегическое слово об «уходящей натуре» — об исходе русской интеллигенции, о ненужности ее базовых ценностей в условиях рынка. Грустно. Но автору «не хочется верить». И он не верит в безнадежность нашего пути. Так что книга его — с открытым финалом, как и все его известные мне сценарии. Подождем. ■